

4. Serova T. S. Psihologicheskie i lingvodidakticheskie aspekty obuchenija professional'no-orientirovannomu inojazychnomu chteniju v vuze [Psychological and linguo-didactic aspects of teaching profession-oriented foreign speech in the University]. Sverdlovsk, 1988. 134 p.

5. Mosina M. A. Realizacija interaktivnogo podhoda v kompleksnom obuchenii professional'no-orientirovannoj inojazyčnoj rechevoj dejatel'nosti [Realization of interactive approach in a complex teaching of profession-oriented foreign speech], Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta [Report of Ural State University], 2009, № 1/2 (62), pp. 128–134.

6. Titova Y. V. Funkcional'no-napravlennoe obuchenie grammatike anglij-skogo jazyka kak jeffektivnyj sposob formirovanija kommunikativnoj kompetencii [Function-oriented teaching of English grammar as effective way of forming communicative competence], Tehnologii obuchenija inostrannym jazykam v nejazykovyh vuzah [Technologies of teaching foreign languages in non-language universities], Ul'janovsk, 2010, pp. 167–171.

7. Trubnikova N. V. Realizacija tehnologii urovnevoj differenciacii kak sredstvo formirovanija professional'noj inojazyčnoj kommunikativnoj kompetentnosti studentov tehničeskikh vuzov [Realization of level differentiation technology as a way to form professional foreign communicative competence of technical universities students], Tehnologii obuchenija inostrannym jazykam v nejazykovyh vuzah [Technologies of teaching foreign languages in non-language universities], Ul'janovsk, 2010, pp. 49–54.

ИСПАНСКИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОБРАЗЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Лаптева Мария Леонидовна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: hohlina2004@yandex.ru.

В статье рассматриваются результаты русско-испанской межкультурной коммуникации, нашедшие отражение во фразеологическом фрагменте языковой картины мира. В частности, анализируется степень освоенности инокультурного образа Дон Кихота русским языковым сознанием.

Ключевые слова: фразама, лингвокультурный образ, фразеологический фрагмент, языковая картина мира, семантика

SPANISH LINGUOCULTURAL IMAGES OF PHRASEOLOGICAL SEMANTICS OF RUSSIAN LANGUAGE

Lapteva Mariya L., Ph.D. in Philology, Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatischev St., e-mail: hohlina2004@yandex.ru.

The author considers the outcomes of the intercultural communication of Russian and Spanish, reflected in the phraseological area of the linguistic view of the world. The degree of the adoption of the cross-cultural character Don Quixote in Russian language consciousness is particularly analyzed.

Keywords: phraseme, linguistic and cultural character, phraseological area, linguistic view of the world, semasiology

Межкультурная коммуникация, в собственном смысле слова означающая прямое или опосредованное общение представителей различных культур, сопровождается межкультурными, а также межъязыковыми контактами, в результате которых происходит соединение систем, где артефакт, превращенный в другую форму развития, получает новый вид и новую функцию. В лингвокультурном фонде того или иного языка (в нашем случае – русского), таким образом, появляются языковые единицы, в основе семантики которых лежат представления об элементах «чужой» куль-

туры, перешедших границу, получивших интерпретацию и ставших в определенной степени «своими». Это утверждение верно, прежде всего, для единиц фразеологического состава языка, который напрямую связан с мировидением народа и отражает его обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт.

Фразеологические единицы, появившиеся в русском языке в результате калькирования, обрастают в языке-реципиенте новыми культурными смыслами. Активность данного процесса зависит от того, какими темпами протекает освоение «чужого» лингвокультурного знака. Например, калькой с испанского языка является оборот *рыцарь печального образа* – букв. *el Caballero de la figura Triste* [2, с. 602]. Фразеологическое значение данной единицы – ‘о наивном, бесплодном мечтателе’ – отсылает нас к дискурсивному пространству романа М. Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», в котором главного героя так называет его оруженосец Санчо Панса. Испанская и русская единицы совпадают в лексико-грамматическом составе и образности, что обеспечивает их семантическую соотносительность.

В испанском культурном пространстве Дон Кихот является значимой фигурой. Вот что отмечается в этой связи в книге, с которой началось знакомство русских с Испанией – «Письмах об Испании» В.П. Боткина (1847 г.): *Но самая громкая слава Ла-Манчи – ее бессмертный Дон-Кихот. Здесь, в этой печальной стране, родился и умер рыцарь печального образа со своим знаменитым конюшим, и народ до сих пор показывает места их подвигов. За несколько миль от города Quintanar de la Orden мне показали Toboso, отечество Дульцинеи, а потом тот постоянный двор (venta), где Дон-Кихот был посвящен в рыцари. Простой народ даже верит действительно существованию Дон-Кихота!*

Впервые образ Дон Кихота актуализирован в русском культурно-когнитивном пространстве в социально-политическом дискурсе В.Г. Белинским, А.И. Герценым, Д.И. Писаревым и другими. Значимым он является и для современного носителя русского языка. Так, на Первом канале российского телевидения существовал проект под названием «Дон Кихоты XXI века». По словам известного телеведущего Александра Гордона, цель ток-шоу, проходящего в формате дискуссии, – борьба с «ветряными мельницами», а точнее, мифологизацией современного медиапространства: со всеми миражами, которые тиражируются и прививаются в качестве стандартов современного общества.

Принимая во внимание субъективную семантическую избирательность, характерную для фразеологического фрагмента языковой картины мира, констатируем, что заимствование испанского оборота *рыцарь печального образа* связано с заполнением имеющейся во фразеологической системе русского языка номинативной лакуны – отсутствием косвенно-производного обозначения человека как носителя таких характеристик, как мечтательность, наивность. Тем не менее, в идиоматическом корпусе достаточно давно имеет место целый ряд процессуальных фразем типа *витать (парить, быть) в облаках*, *витать (парить) в эмпиреях*, *витать (парить) между небом и землей*, *парить на воздушях*, *уноситься в облака*, передающих фразеологическое значение – ‘предаваться мечтам, бесплодным фантазиям, отрываться в своих мечтах от реальной действительности’. О системных отношениях знаков косвенно-производной номинации свидетельствуют единицы *считать звезды* – ‘пребывать в мечтательном состоянии, фантазировать’, *строить воздушные замки* – ‘мечтать о несбыточном, строить невыполнимые планы’.

Компонент *рыцарь* является фразеомобразующим элементом и некоторых других существующих в русском языке оборотов, обладающих разными культурными коннотациями: как положительными, так и отрицательными. К собственно русским по происхождению, восходящим к дискурсивному пространству русской художественной литературы относятся фраземы *рыцарь на час* – книжн. ‘о слабовольном человеке, живущем благородными порывами, но не способном к длительной борьбе’ и *скупой рыцарь* – книжн. ‘скряга, скупец’. Обратим внимание на то, что значение данных единиц, как и единицы *рыцарь печального образа*, не соответствует символическому прочтению образа рыцаря в культуре, где рыцарь является символом мастер-

ства в искусстве верховой езды и владения оружием, воплощением добродетелей преданности и благородного служения [5, с. 310]. Однако таков, например, образ французского рыцаря Пьера дю Террайля Баярда, калька с прозвища которого закрепилась в русском языке в качестве фраземы *рыцарь без страха и упрека* – книжн. ‘о человеке, мужественном, высоких нравственных достоинств’ (фр. *chevalier sans peur et sans reproche*).

Следует отметить стилистическую ограниченность функционирования фраземы *рыцарь печального образа*, её употребление преимущественно в книжной речи, в частности в художественном стиле. Например:

1) *И всё-таки было в этом лейтенантишке что-то такое... Мечтательность в нем угадывалась, романтичность. Такой народ, он порывистый! Этот вот юный рыцарь печального образа, совершенно уверенный, что любят только раз в жизни и что лучше той женщины, с которой он был, нет на свете, – возьмёт да и задает тягу из части без спросу, чтобы омыть слезами грудь своей единственной...* (В.П. Астафьев. Пастух и пастушка);

2) *Юрий, улыбаясь, смотрел ей в лицо и говорил: – Мне никогда не бывает весело! – Ляля смеялась, точно он сообщал ей что-то очень забавное и веселое. – Ну, ладно, рыцарь печального образа! Никогда, так и никогда. Пойдём лучше, я представлю тебе одного молодого человека...* (М.П. Арцыбашев. Санин).

Из всего арсенала «рыцарских» образов именно образ Дон Кихота, как показал исследовательский материал, обладает фразеологической значимостью и имеет несколько фразеологических маркеров. Прежде всего, это ономастическая, фразеологически закреплённая единица *Дон Кихот*. Так, в Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений находим: *Дон Кихот* – иноск. ‘благородный чудака, пытающийся действовать сообразно своим убеждениям, без учёта реальности (шутл.-ирон.)’ [7, с. 189].

Языковую игру с использованием фразеологических единиц, актуализирующих в сознании реципиентов «испанский» культурный образ, представляет собой, например, следующий контекст: *Бурцев был Дон Кихотом русской эмиграции. Всю жизнь этот человек сражался с ветряными мельницами, высоко поднимался на их крыльях и больно разбивался при падении на землю. В некоторой степени был он куда более одинок, нежели Рыцарь Печального Образа, – не имел даже верного оруженосца, всю жизнь прожил схимником, удивленно взирая на чужой и ко всему равнодушный мир своими подслеповатыми глазами* (А. Седых. Далёкие, близкие). Уточним, что выражение *рыцарь печального образа* в рассматриваемом контексте реализует своё прямое номинативное значение, то есть служит для обозначения литературного персонажа. Помимо этого, сама характеристика личности русского публициста В.Л. Бурцева (1862–1942 гг.), которая даётся в отрывке из книги воспоминаний Андрея Седых, строится на метафорическом переосмыслении человеческой жизни и её репрезентации посредством ономастического фразеологического знака *Дон Кихот*, а также фраземы *сражаться с ветряными мельницами* – неодобр. ‘бороться с воображаемыми врагами, бесцельно тратить силы’ [2, с. 426], имеющей когнитивным основанием всё то же дискурсивное пространство романа М. Сервантеса, а именно эпизод, в котором Дон Кихот вступил в борьбу с ветряными мельницами, приняв их за злых великанов. Единица *сражаться (воевать) с ветряными мельницами* носит интернациональный характер, поскольку имеет эквиваленты в ряде европейских языков: словац. *boj s vetrnými mlýnami*, укр. *боротися (воювати) з вітряками*, нем. *Mit Windmühlen kämpfen* и других.

Выражение *сражаться (воевать) с ветряными мельницами* активно функционирует в современном газетно-публицистическом дискурсе, вербализуя смыслы, связанные с выполнением любой напрасной, бесполезной, не приносящей результатов деятельности. Например: *Анатолий Хориноев сражается с ветряными мельницами СМИ* (Независимая газета «Новая Бурятия», 28 марта 2011 г.) – о тщетных попытках председателя Верховного суда Бурятии убедить СМИ проверять на достоверность информацию прежде, чем подвергать её огласке. Фразеологическими словарями фик-

сируется и единица *ветряная мельница* – неодобр. ‘несерьезный, легкомысленный, пустой человек’ [6, с. 241].

О достаточной степени освоенности культурного образа Дон Кихота в русской лингвокультуре свидетельствует несколько фактов. Во-первых, существование в языке таких производных от имени собственного, как «донкихотство», «донкихотизм», «донкихотишка», «донкихотовский», «донкихотский», «по-донкихотски» и «донкихотствовать» [3, с. 270]. В частности, глагол был впервые употреблен ещё в архаичной форме Г.Р. Державиным в оде «Фелица» (1782 г.): *Не слишком любишь маскарады, / А в клоб не ступишь и ногой; / Храня обычаи, обряды, / Не донкихотством тебе в себе...* Наблюдается его функционирование и в современном русском языке. Например: *Трудовой контракт с Эдуардом Лившицем, возглавлявшим Управление Росприроднадзора по Пермскому краю с 1 ноября 2008 года, не продлён. В настоящее время он находится в отпуске и на своё прежнее место работы уже не вернётся. Сам Лившиц эту информацию «Новому компаньону» подтвердил. «Надоело донкихотствовать!» – так он пояснил причины своего ухода из Росприроднадзора.* (Новый компаньон. 07.06.2011 г.).

Во-вторых, происходит переход собственного имени в нарицательное, сопровождающийся изменением графического облика сочетания: Дон Кихот → донкихот – ‘бескорыстный мечтатель, бесплодно стремящийся приносить пользу людям во имя неосуществимых идеалов’ [3, с. 270]. Например: *Да, да, Егор Антонович понимал этого безумного молодого человека из хорошей немецкой фамилии. Это был донкихот, крайне необузданный, но настоящая добродушная голова.* (Ю.Н. Тынянов. Кюхля). Отметим, что в семантике онима *донкихот* содержатся такие потенциальные семы, как ‘безумный’, ‘чудаковатый’, ‘простодушный’, ‘наивный’, ‘добродушный’, ‘простоватый’ и т.п.

В то же время, как отмечает Л.Г. Золотых, «типичных путей образования фразем с компонентом нарицательным существительным, которое по денотативной соотносённости восходит к имени собственному, не так уж много» [4, с. 172]. К прецедентным именам, восходящим к роману Сервантеса, относятся не только *Дон Кихот*, интегрировавший в себе базовые смыслы испанского культурного текста, но и единицы *Дульцинея* – шутол. ‘о возлюбленной, обожаемой женщине’ и *Росинант* – ‘об изношенной, заезженной лошади, старой кляче’ [1].

Таким образом, фразеологический фрагмент языковой картины мира носит интернациональный характер, что подтверждается источниками происхождения многих знаков косвенно-производной номинации. Не составляют исключения в этом случае и фразеологические единицы, восходящие к испанским культурным образам. Семантическая антропоморфность фразеологической системы стимулировала процесс заимствования образа Дон Кихота и обусловила экспликацию содержащихся в нём культурных смыслов в современном русском дискурсивном пространстве.

Список литературы

1. Ашукин Н. С. Крылатые слова: литературные цитаты и образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – Москва : Художественная литература, 1987. – 528 с.
2. Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – Москва : Астрель : АСТ : Люкс, 2007. – 926 с.
3. Большой академический словарь русского языка. – Москва – Санкт-Петербург : Наука, 2006. – Т. 5. – 693 с.
4. Золотых Л. Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики : монография / Л. Г. Золотых. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2007. – 265 с.
5. Тресиддер Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер. – Москва : ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.

6. Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. – Москва : Русский язык, 1986. – 543 с.

7. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. В. Серов. – Москва : Локид-Пресс, 2005. – 880 с.

References

1. Ashukin N. S., Ashukina M. G. Krylatye slova: literaturnye citaty i obraznye vyrazhenija. Moscow, Hudozhestvennaja literatura, 1987. 528 p.

2. Birih A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. Russkaja frazeologija. Istoriko-jetimologicheskij slovar'. Moscow, Astrel', AST, Ljuks, 2007. 926 p.

3. Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka. Moscow, St. Petersburg, Nauka, 2006. Vol. 5. 693 p.

4. Zolotyh L. G. Kognitivno-diskursivnye osnovy frazeologicheskoy semantiki. Astrakhan, Publishing House "Astrakhan University", 2007. 265 p.

5. Tresidder Dzh. Slovar' simvolov. Moscow, FAIR-PRESS, 1999. 448 p.

6. Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; ред. А. И. Молотков. Москва, Русский язык, 1986. 543 p.

7. Serov V. V. Jenciklopedicheskij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij. Moscow, Lokid-Press, 2005. 880 p.

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА ФРАЗЕОНОМИНАЦИЙ (на примере названий теле- и радиопрограмм)

Лапухина Марина Анатольевна, аспирант, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: lapukhina88@yandex.ru.

В статье рассматриваются некоторые особенности процесса фразеономинии в теле- и радиодискурсе. Под фразеономиниями понимается как процесс использования языковых единиц косвенно-производной семантики в качестве названий (заголовков) теле- и радиопрограмм, так и названия рассматриваемых программ. Анализируется связь между дискурсивным пространством радио и телевидения и дискурсивным пространством русской фраземики, приводится анализ некоторых дискурсивных пространств теле- и радиодискурса, представленных фразеономиниями.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивное пространство, телерадиокоммуникация, фразеономиния, фразема, концепт

DISCURSIVE SPACES OF PHRAZEONOMINATIONS (as exemplified in names of tv and radio programs)

Lapukhina Marina A., postgraduate student, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev St., e-mail: lapukhina88@yandex.ru.

Some features of the process of phrazeonomination in television and radio discourse are considered in the article. Under phrazeonominations one should understand the process of using language units of indirectly derived semantics as the names (titles) of TV and radio programs as well as the titles of these programs. The relationship between the discursive space of the radio and television and the discursive space of Russian idiomatic is analysed, and the analysis of some discursive spaces of TV and radio discourse presented as phrazeonominations is carried out.

Keywords: discourse, discursive space, TV and radio communication, phrazeonomination, phrasem, concept